

соревновании для сохранения человечества, а не для его уничтожения; в соревновании, которое поможет обеим странам справиться с их внутренними проблемами, а не угрожающем миру разрушением. Мы нуждаемся в пророках и мечтателях не меньше, чем в генералах и бюрократах. Нам нужно разработать, говоря словами Валентина Распутина, иной план, выполнение которого измеряется не тоннами и кубометрами, а душами.

ОТРЫВКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ, ПРЕДОСТАВЛЕННОГО Т. И. ЗАСЛАВСКОЙ ЖУРНАЛИСТАМ НА КОНФЕРЕНЦИИ В ЧАТОКУА

О возможности деколлективизации

На протяжении всей моей жизни я очень много занималась колхозами, и в то время, когда я начинала с ними работать, это был 1950 год, колхозы, конечно, представляли собой достаточно жалкое зрелище, поскольку большая часть продуктов, создаваемых в них, изымалась через низкие цены. В общем, почти не платили за труд, люди жили за счет личных подсобных хозяйств и т.д. Но с тех пор прошло много времени, и, в частности, в конце 50-х — начале 60-х годов, в период Хрущева, когда много делалось для сельского хозяйства, после продажи МТС колхозам и пр., колхозы начали показывать свою очень большую силу и огромный потенциал, который они в себе несут. Мне представляется, что колхозная форма производства в случае, если колхозы не являются слишком крупными, а они, к сожалению, у нас являются слишком крупными, она, с одной стороны, таит в себе чрезвычайно большую возможность развития, и, с другой стороны, соответствует современному общественному сознанию в СССР. Дело в том, что 70 лет советской власти и уже почти 60 лет существования общественного сельского хозяйства привели к тому, что несколько поколений сменилось, и те люди, которые сегодня работают в колхозе или совхозе, не только никогда не были единоличниками, но уже их родители не были единоличниками — деды их вступали в колхозы. В этих условиях нет психологических предпосылок для роспуска колхозов... Допустим, мы распускаем колхозы и переходим на фермерский тип хозяйства. Нет ни психологических, ни социальных

предпосылок для этого. Я не знаю, во всяком случае, людей, которые были бы в этом заинтересованы. Мне много приходится бывать в колхозах, с разными людьми разговаривать, и я утверждаю: людей, которые мечтали бы в одиночку работать, нет. И тот коллективизм советского образа жизни, о котором мы любим говорить и писать, он действительно существует. Мы, изнутри, даже не так хорошо его ощущаем, как его ощущают иностранцы, которые живут в СССР. Они говорят: у вас совершенно особый образ жизни... Поэтому мне кажется, что надо искать компромисс между двумя подходами. С одной стороны, крайне необходима материальная заинтересованность людей в труде, в конечном результате своего собственного труда. Если он работает в организации, где больше тысячи человек, то конечный результат лишь в малой степени от него зависит, и в общем ему это не так сильно надо. С другой стороны, я полагаю, что у нас предпосылок для перехода вообще к индивидуальным формам хозяйствования фактически сегодня нет. Поэтому мне представлялся бы оптимальным следующий путь: во-первых, обратного превращения совхозов в колхозы. У нас колоссальная часть колхозов была огосударствлена. Но это ведь мертвящее влияние, это бюрократизация. Сельское хозяйство, как никакая другая отрасль, не терпит регламентации. Оно очень живое; тут живые существа — животные, растения. Они требуют прямого, непосредственного контакта с человеком, и человек сам должен видеть результаты своего труда, он должен быть хозяином на земле. Поэтому, с моей точки зрения, оптимальными являются небольшие колхозы. Примерно такие, которые соответствуют системе расселения — у нас очень разная система расселения — есть мелкоселенные районы, есть крупноселенные. Но, грубо говоря, одно хорошее село — это колхоз, а не огромные территории. На самом деле нет нужды в таких хозяйствах, особенно в сельском хозяйстве, которые сейчас существуют. И нет нужды в том, чтобы они были государственными. Система небольших и поэтому достаточно гибких колхозов, мне кажется, отвечала бы общественным интересам и обеспечила бы нужную материальную заинтересованность. Люди поняли бы, что это важно. Кстати говоря, и наша бюрократизированная система управления способна на такой шаг пойти. Пойти на

распуск совхозов и колхозов, мне кажется, она просто неспособна. Но думается, что и люди этого не поняли бы.

О Госплане

Основная идея заключается в том, что Госплан должен сосредоточиться на решении стратегических вопросов экономики, что вся система плановых органов должна отрешиться от привычных уже для них традиционных форм деятельности, от мелочной опеки, как у нас говорят. Каждый шаг предприятия отслеживать: вовремя ли вывезен навоз на поля и т. д. Все это не должно быть заботой плановых органов, и вообще советских и партийных — это вопрос самого коллектива. Чем же тогда заниматься Госплану? Ему надо заниматься стратегическими вопросами, долгосрочными вопросами развития экономики. Здесь, мне кажется, есть две группы вопросов. Одна связана с организацией и планированием. Вообще же считается, что имеются три элемента хозяйствования — организация, планирование и стимулирование. Так вот, в области организации и планирования, — это все-таки движение сверху, прямое управление. Здесь на долю Госплана остается распределение той части капитальных вложений, которая у него останется. Система самофинансирования предполагает, что определенная часть фонда накопления будет оставаться в руках предприятий, и предприятия сами будут решать, что им надо развивать, строить, реконструировать и т. д., — машины покупать или скот, или землю мелиорировать и т. д. Это, конечно, очень большой стимул для увеличения доходов, но, естественно, государство будет аккумулировать по-прежнему — не могу сказать какую часть — половину или 60%, я просто не знаю, — но существенную часть общего фонда накопления будет аккумулировать государство, и Госплан соответственно должен решать, куда, с точки зрения стратегических интересов экономики, надо затрачивать. Это структурная политика прежде всего. В железные дороги нужно вложить или в освоение новых земель в Сибири или в нефте-газовые районы и пр., где уж никак нельзя рассчитывать на рыночные механизмы и на деятельность существующих предприятий...

Это одна группа вопросов — обеспечить совершенствование отраслевой структуры народного хозяйства, которая сейчас является чрезвычайно невыгодной, несовершенной и вызывает очень большое недовольство — она не сбалансирована, у нее масса недостатков.

Вторая же группа вопросов, которыми Госплан должен заниматься, связана с экономическим стимулированием. Это разработка и контроль за использованием экономических нормативов. Деятельность низовых звеньев предприятий будет регулироваться системой экономических нормативов, и кто же кроме Госплана (в сочетании, конечно, с другими комитетами) может обеспечить гибкость этой системы, ее соответствие местным условиям и т. д.? Это огромная работа. Конечно, управлять экономическими методами на порядок сложнее, чем командовать. Следовательно, Госплану еще предстоит освоить эту науку. Ведь к числу экономических нормативов мы и цены должны отнести. А одна проблема ценообразования — фантастически сложная проблема. Дело в том, что цены, видимо, будут формироваться в значительной степени на договорной основе. Значит, здесь уже включается механизм рыночных отношений. В то же время государство должно держать в своих руках командные высоты и не допускать стихийной игры цен. Следовательно, это будет, очевидно, делаться через установление цен на некоторые ключевые виды продукции. Но всем понятно, что не так легко согласовать плановый механизм ценообразования. Значит, здесь наверняка будут возникать различные проблемы, и по мере того, как они будут возникать, мы должны научиться понимать их суть и искать пути увязки. Здесь будут очень сложные вопросы стоять. Не только Госплан, как выясняется, но и система центральных экономических ведомств будет призвана разрешать эти трудности роста.

Конечно, это совсем другая работа, чем та, которой они занимались до сих пор, абсолютно непривычная для них, требующая очень высокой квалификации. Там квалифицированные люди, но они в определенном смысле квалифицированные. Они хорошо умеют выполнять ту работу, которую сегодня выполняют, а завтра потребуется выполнять совсем другую работу. Это потребует, конечно, переучивания кадров и, наверное,

произойдет перемена кадров, потому что многие работники Госплана и других комитетов просто не смогут справиться с новыми функциями.

О группах, объединенных общими интересами

Мне кажется, одна из первых задач, которая перед нами стоит, — понять, как на самом деле устроено советское общество. Дело в том, что формула, которая на протяжении десятилетий публиковалась во всех учебниках, впервые была просто объявлена в так называемой сталинской конституции: что общество наше состоит из рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. В таком виде эта формула прожила пятьдесят лет и дошла до нашего времени. В соответствии с ней рабочий класс и крестьянство рассматривались как классы и, следовательно, как основные элементы, а интеллигенция — не класс. У нас же постоянно говорится, что это прослойка. Не очень понятно: что это значит — два класса и прослойка, что это за структура. Никто этого не разъяснял, и вместе с тем все исследования, которые велись на протяжении десятилетий, конкретные исследования структуры советского общества, как из данности исходили, что основные деления — это рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, а все остальное — внутриклассовые различия. А, может быть, там 70 каких-то других групп? Чтобы определить, какие группы самые крупные, надо сначала отрешиться от того, что их три, и исследовать всю совокупность. Тогда будет ясно, какие типы они образуют, и т.д. Такие исследования по сути не проводились. Но, может быть, если бы и провели и для себя проанализировали, этого бы никто не напечатал, потому что это была одна из догм, на которую замахиваться было совершенно невозможно. А сейчас пришло совершенно другое время. Вы, наверное, читали статью Яковлева в „Коммунисте”. Это, собственно, был его доклад. Слушать его было одно наслаждение — он разбивал одну догму за другой... Он, по сути дела, не ставил перед собой цели утвердить какие-то новые взгляды. Он просто хотел расчистить дорогу и показать,

насколько может быть революционным мышление, что следует отказаться от того, что мешает пробиться истине.

Я думаю, что одна из наших первых задач заключается в непредвзятом, объективном анализе социальной структуры современного общества. Мы должны понять, из каких групп оно состоит на самом деле; потом понять, исследовать их реальное положение, потому что в положении заложена основа интересов, и тогда мы уже сможем изучать их поведение и давать соответствующие характеристики.

Вот мы сейчас пишем книгу с моим соавтором профессором Рывкиной. Эта книга стоит в плане издательства 1987 г., но она выйдет, наверное, в первом квартале 1988-го. Она называется „Социология экономической жизни”. Центральная проблема, которая там рассматривается, это проблема структуры нашего общества. Для того, чтобы не путать ее с исследованиями социальной структуры — тысячи книг на эту тему написаны, — мы свою структуру назвали экономико-социологической. Мы поставили вопрос таким образом: представим себе, что мы хотим провести деловую игру развития социалистической экономики или просто советской экономики. Каких игроков нам надо было бы иметь в игре, чтобы их взаимодействие действительно объясняло реальные закономерности развития социалистической экономики? Достаточно представить себе трех игроков: рабочий, крестьянин и интеллигент, чтобы понять, что играть невозможно. На самом деле в этой игре участвуют другие группы, то есть реальная жизнь протекает совершенно по-другому. Ведь в этой игре не было бы ни работников Госплана, ни работников торговли, бытового обслуживания и т.д. Мы провели большую аналитическую работу, главным образом, теоретического плана. Опираясь на имеющуюся литературу и т.д., но все-таки мы свое общество знаем. В общем, мы построили нечто такое, что мы назвали „научная гипотеза — экономико-социологическая структура советского общества”. Только после того, как мы изучим реальное положение этих групп, мы сможет сказать, на самом ли деле они разные или, возможно, выяснится гетерогенность некоторых групп, выявленных на первом этапе, а на самом деле, может быть, их и больше... У нас получилось 75 таких групп. Это значительно более кон-

кретная структура по сравнению с классовой. Мы ее не называем классовой структурой. Мы ее называем экономико-социологической структурой. Это группы, которые взаимодействуют в экономике. Мы ее также называем „социальная структура человеческого фактора в экономике”. Про человеческий фактор в экономике очень много написано в современной нашей литературе. Говорится, что он играет решающую роль, что все зависит от человека, но человеческий фактор структурирован. Отдельные его элементы имеют свои собственные интересы и существуют взаимодействия между ними. Значит, мы должны понять его структуру. Это сложно, но и экономика сложное дело, и ее с помощью нескольких групп невозможно описать. У нас такие деления: работники партийного и советского управления экономикой — это внехозяйственный уровень, целая совокупность групп. Вторая группа — работники умственного труда без управленческих функций; третья — работники физического труда — рабочие и крестьяне, и четвертая — совокупность особых групп, которые не могут быть идентифицированы по месту работы, — допустим, семьи без работников, семьи пенсионеров, скажем. Сюда же мы отнесли малые народы Севера. Они выделяются не по месту своей работы, а по целой совокупности признаков. Сюда же надо отнести деклассированные элементы — хиппи, бродяг, беспаспортных, которые ведут неопределенный образ жизни, и пр. Сюда также надо отнести лиц, которые находятся на иждивении государства и содержатся в различных учреждениях, допустим, дети-сироты, которые воспитываются в детских домах, или престарелые. Мы хотим объять все население. Дело в том, что когда мы говорим о человеческом факторе экономики, то мы ведь имеем в виду человека не только как работника, но и как потребителя. От него исходит определенный спрос. Это тоже влияет на экономику. Поэтому неработающая группа населения нас так же интересует, как и работники.

Это крупные деления. Мы выделили также группы по сферам деятельности. Ну, например, дипломатия, международные отношения. Это не просто сфера деятельности, это люди, которые занимают совершенно специфическое место в экономической жизни, потому что здесь и дипломатия, и внешнеэкономические отношения.. У этих людей очень специфический характер

потребления, специфический образ жизни, то есть это совершенно особая группа, которая даже в социальном отношении является довольно закрытой — браки происходят внутри; это особая страта. Из интеллигенции также выделяются различные группы в связи с уровнем квалификации и сферами приложения труда. Но сферы определяются с таким расчетом, чтобы они идентифицировали социально-экономическое положение людей. Эти группы реально существуют. Возможно, если мы хотим перестраивать хозяйственный механизм, то нам не нужно учитывать детей-сирот, но если мы хотим сделать реформу распределения фондов потребления, то тогда это уже необходимо...

О различии между нынешними и хрущевскими попытками реформ

Меня спрашивают, что будет, уверена ли я в том-то, в том-то, в том-то. Я не люблю отвечать на такие вопросы. Это лифийцы предсказывали и Кассандра вещала, что будет, а ученые говорят: если произойдет то-то, то наступит такое следствие. Что будет конкретно, предсказать довольно трудно. Что же касается конкретного вопроса, что изменилось по сравнению с хрущевским временем, то я могу сказать, что изменилось. Хотя, может быть, еще и недостаточно изменилось, еще время покажет, достаточно ли изменилось. Прежде всего, я искренне считаю, что современный уровень политического руководства страной недостижим более высокий, чем был. Мне приходилось лично встречаться с товарищем Горбачевым не раз и беседовать с ним. Первый раз, когда мы встречались, он был еще секретарем по сельскому хозяйству, еще не был генсеком, и мы имели долгий разговор. Я была не одна, там было шестеро ученых. Мы имели долгий разговор, часа два, наверное, и это был разговор профессионалов. Речь шла об экономике сельского хозяйства, и мы все понимали друг друга с полуслова. Этого, конечно, не было с Хрущевым. Хрущев действовал революционно, но ведь он очень часто как медведь ломился куда-то просто неразумно. Нельзя было делать такие вещи как роспуск личного

подсобного хозяйства, повсеместное внедрение кукурузы и пр. Сейчас ничего такого произойти не может. Руководство, можно сказать, не только умное, но и мудрое. Это ведь немножко разные вещи. Политическая мудрость позволяет искать правильный путь. По-моему это очень важный залог успеха по сравнению с тем временем. Изменились также люди, изменилось общество. Прежде всего, у нас идет непрерывный рост уровня образования. Всеобщее обязательное среднее образование приводит к тому, что каждое новое поколение является более образованным, чем предыдущее. Если вы возьмете материалы переписи (они по десять лет структурированы), вы это увидите. А образование влечет за собой изменение социального типа человека — гораздо более широкий кругозор, гораздо большая критичность. Это уже не темная масса, которой можно было управлять и которой можно было „вправлять мозги“, это мыслящие люди. У них есть свои претензии, их учили тому, что такое социализм и каким он должен быть, и они хотят, чтобы он был таким; они этого ожидают. Рост образования активизировал людей. И, конечно, надо учитывать влияние средств массовой информации. Распространение телевидения сыграло огромную роль, потому что в каждой глухой деревне люди знают о том, что происходит не только в СССР, но и в мире. Для равновесия, конечно, надо сказать, что система экономических отношений, существовавшая все это время, и не только экономических, но и идеологических, очень сильно работала в сторону пассивизации. Поэтому достаточно распространенным является тип высоко образованного человека, который в то же время внутренне отчужден от общественных ценностей и не инициативен. Это факторы, влияющие в обратную сторону. Но кто и на каких весах может взвесить, что важнее, насколько удастся с помощью новых экономических отношений расшевелить нашего человека экономически? Конечно, как в тесте бывают дрожжи, и на этих дрожжах все тесто поднимается, так и у нашего народа при общей тенденции к пассивности, внутри него, безусловно, есть дрожжи — люди энергичные, которых связывала, которых томила вот эта прежняя ситуация. Многие к ней привыкли, но были люди, которые хотели действовать. У них предпринимательская жилка, и они считали, что их силы не реализованы. Им раскры-

ваются сейчас двери, им позволяют действовать, и можно надеяться, что, как дрожжи поднимают тесто, так деятельность этих активных людей постепенно разбудит дремлющую в настоящее время массу...

Я иногда сравниваю ситуацию, которая у нас сейчас сложилась, с человеком, который долгое время жил со связанными ногами, а потом ему ноги развязали и говорят: беги! А он не может, потому что у него затекли ноги. Дай Бог, чтобы он сначала пошел медленно. Но как только он пойдет, онемение начнет проходить, и настанет момент, когда он сможет бежать. Изменения в обществе не могут происходить мгновенно, это страшно инерционная система. У нас есть люди, которые говорят, что очень мало сделано за два с половиной года, что снизу реально ничего не изменилось — лишь наверху меняется... Это на самом деле так... Но мне кажется, что все-таки исторически два с половиной года — это все равно что одна минута.

О новосибирском документе

Я руковожу отделом социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук. Примерно уже в конце 70-х годов наш коллектив — очень хороший, дружный коллектив в 50-60 человек — занимался сельским хозяйством, аграрными делами и, прежде всего, социальным развитием села. У нас делали расчеты различных вариантов развития села и потребностей этого сектора. Конечно, мы упирались в экономику непосредственно, потому что средства можно взять только из экономики. Мы рассматривали варианты разной степени оптимизма. Получалось, что сближение города и деревни может быть достигнуто к 2000 г., т. е. примерно за 20 лет, но лишь при условии коренных перемен в сельском хозяйстве и резком ускорении роста производительности труда. А при инерционном варианте развития, т. е. если все останется так, как было, то даже расхождения возникнут — село отстает от города. Мы несколько раз делали такие расчеты, исходя из того, что экономисты обеспечат подъем сельского хозяйства. Но мы убедились, что никто кроме

нас этим не занимается, и мы поняли, что мы сами должны сделать все для того, чтобы сельское хозяйство стало развиваться по этому пути. Мы вынуждены были поднять социальные вопросы развития экономики. В 1979 г. мы провели первую экспедицию по этим вопросам, объехали 26 районов, встречались с руководителями и выявляли самые острые проблемы хозяйственного механизма. Анкеты, которые мы составляли, назывались „как сделать, чтобы люди работали лучше“.

Получив этот материал и придя к выводу, что положение в сельском хозяйстве является критическим и что никаких надежд по существу нет, что там что-то изменится, мы разработали на следующую пятилетку (1980-1985 гг.) исследовательский проект под названием „Социальный механизм развития экономики“. Мы понимали свою задачу так: если мы едем на каком-то лайнере, и он шел быстро, но начал замедлять ход, а потом, кажется, совсем остановился, то ничего другого не остается, как спуститься в машинное отделение и посмотреть, что происходит с машинами. Примерно такая задача была и у нас. Если хозяйство перестало развиваться, давайте исследуем социальный механизм: почему не срабатывает, почему нет заинтересованности? Мы в течение двух лет разработали теоретический проект — около двухсот страниц. Этот проект был принципиально новым и революционным, вообще говоря, для того времени, поскольку это было при Брежневе. Мы решили, что прежде, чем мы начнем эмпирические исследования, нужно обсудить наш проект с научной общественностью, наиболее творческой частью ученых. Мы сделали 10 экземпляров проекта и разослали его в 10 академических институтов, заинтересованных в этом вопросе. Это было осенью 1982 г. Мы просили руководство институтов провести внутри этих институтов обсуждение. В результате этих внутренних обсуждений у людей возник огромный интерес, им захотелось встретиться и вместе обсудить эти вопросы. Мы назначили семинар на апрель 1983 г. К этому времени Брежнев умер. На семинар мы пригласили на обсуждение проекта около пятидесяти крупных ученых разного профиля, имевших отношение к этой проблеме, из этих институтов и не только оттуда. Приехало человек 60. И нас было человек 40. Я в январе и в феврале отдыхала в санатории. Там я думала о вступительном

докладе. Все читали проект в 200 страниц. Но кое-кто придет, кто не читал. Как же мне сделать такой доклад, чтобы он был интересен всем — и тем, кто читал проект, и тем, кто не читал? За год накопились какие-то новые идеи, и я в санатории написала этот доклад для семинара. Сотрудники выразили мнение, что его не надо публиковать открыто, что он слишком душещипательный, как говорится. Аганбегян решил опубликовать его для служебного пользования, только для участников семинара, чтобы можно было его обсудить, но дальше, чтобы он никуда не шел. В этом он меня поддержал. Взгляды у нас были общие, и он просто подписал это. Мы размножили этот доклад, и все участники семинара его получили. Было необыкновенно интересное обсуждение, которое продолжалось три дня. Люди были просто счастливы. Они говорили, что никогда в жизни не участвовали в таком творческом семинаре. У нас был установлен регламент 7 минут для выступлений в прениях, но можно было снова записываться в очередь. И второй раз начинать с того же места, где остановился. Очень большой динамизм благодаря этому был. Кое-кому и 7 минут хватило, но были люди, которые по несколько раз выступали. Все время меньше 10—11 записавшихся не было. Все время такая активная очередь, и была выказана масса идей. Я оценила тогда, что получила прибавку идей в результате этого семинара примерно вдвое: вот если за 100 взять то, что было заложено в докладе, то еще 100 другие люди прибавили от души, потому что это обсуждение спровоцировало отдать все ими накопленное. Люди думали каждый на своем месте, а здесь встретились... Аудитория была очень высокого уровня... Мы, конечно, приглашали в основном единомышленников. Зачем мы будем приглашать реакционеров? Люди впервые встретились... В это время был уже Андропов. И все прошло у нас очень хорошо. И вдруг уже в августе я узнаю, что в „Вашингтон пост“ опубликован текст этого доклада. Как он туда ушел? Естественно, кто-то передал, но как, кто — я до сей поры не знаю этого. Ну, тогда, конечно, началось всякое... Потому что он все-таки не был предназначен для широкой публики. Если бы он был опубликован в СССР для открытой печати, то, конечно, все было бы нормально, но он ведь не предназначался для этой цели. Довольно легко было догадаться, что ушел не сам доклад —

текст, который мы печатали, а перенятый с него текст. Поскольку материалы для служебного пользования не полагается переносить, то с него была сорвана обложка. На обложке было написано: Т. И. Заславская, такой-то заголовок доклада и „Новосибирск, 1983 г.“. Вот этого ничего не было, сразу начинался текст, который пришел на Запад без автора, без ничего, а сразу детальное наименование первого пункта. Я уже сейчас его не помню. Я даже знаю, что из ФРГ передавался текст этого доклада, я не знаю, по „Свободе“ или по „Свободной Европе“. Мне рассказывали, что они говорили, что автор неизвестен. Тогда несколько передач посвятили этому. Потом, в одной передаче говорят, что мы, в общем, начали догадываться, кто автор. Ведь в „Вашингтон пост“ было написано, что эта работа какого-то коллектива и что в апреле в Кремле состоялось обсуждение... Кремль к этому не имел никакого отношения, все это было просто нашей текущей работой и это ушло на Запад. Благодаря этому, я думаю, мой доклад стал очень широко известен в СССР. Надо же было разобраться, что же эта Заславская написала, а поэтому его прочитали все наши руководители. А без этого вряд ли стали бы они его читать. Мало ли делалось докладов. Даже если бы им его послали специально, все равно, там такая масса приходит информации. А так он привлек внимание к себе...

О национальном вопросе

Национальный вопрос, национальные отношения требуют, конечно, огромного внимания. Это одна из наиболее сложных областей социальных отношений. У нас, кстати говоря, был один из вопросов, когда мы говорили об экономико-социологической структуре, должны ли мы учитывать в ней, конечно, не национальный аспект, это просто невозможно было бы, но социально-национальный. Все-таки у нас есть группы республик, которые различаются по характеру хозяйственного, социального механизма. Скажем, система родовых отношений, родоплеменных, искажает все на свете. Но потом пришли к выводу, что это все-таки невозможно. Если взять Прибалтику, Белоруссию, Украину как один район, а, скажем, Среднюю Азию как

другой, то все равно слишком много получается. На самом деле, конечно, при пристальном взгляде легко увидеть огромные различия в экономике и, я бы сказала, в социальном механизме развития экономики. Там разные социальные механизмы, разная социальная структура. Мы пришли, в конце концов, к выводу, что такое методологическое орудие, как 75 наших групп, мы можем прилагать к разным республикам. Видимо, оно будет так или иначе трансформироваться, но для первого подхода оно годится.

Но дело в том, что национальные отношения тоже на протяжении долгого времени изучались очень односторонне, они изучались под заданный результат так же, как социальная структура изучалась с позиции сближения всех групп. Уже заранее было известно, что они сближаются, и весь вопрос — установить, как быстро и кто с кем. О процессе дифференциации общества практически не говорили, а люди ощущали эту растущую дифференциацию. Все такие работы шли мимо сознания, то есть просто хотелось отложить их в сторону, не заниматься этим; они были фальшивыми от начала до конца. О национальных отношениях тоже — заранее заданная ситуация, что отношения между нациями совершенно дружелюбные. И так как слово „усовершенствование” у нас часто употребляется, предполагалось, что они и так совершенные, но надо сделать их более совершенными. Мне кажется, глубина и острота социальных проблем, которые в этой области имеются, не отражены в достаточной степени в нашем обществоведении. Они, скорее, отражаются на уровне обыденного сознания, поскольку каждый сталкивается в той или иной степени с этими отношениями. Конечно, в них очень много сложностей, совсем не простыми являются эти отношения, имеет место и национализм, сильно выраженный в союзных республиках. Это естественно в определенной степени. Весь вопрос в том, как понимать этот национализм, какие у него формы. Мне кажется, что современный мировой процесс очень сильно активизирует национальное сознание. Долгое время у нас не было аналогичных явлений в России, то есть не было того, что раньше называлось русским великодержавным шовинизмом, но что можно было бы также назвать русским национализмом. Вот этого как-то совсем не ощущалось. В последнее

время стала проявляться и эта тенденция. Как бы русское население, русская интеллигенция тоже сказала, а чем мы хуже? Ведь на самом деле знаменем националистических настроений в каждой республике является прежде всего культура. Любовь, уважение к своей культуре, стремление, чтобы она не подавлялась, чтобы она развивалась в полной мере, против русификации и т. д. Но русская культура, конечно, культура великая, и против нее тоже много что делалось. Отсюда такая же реакция русского населения — за то, что нужно поднять русскую культуру, и такие вот национально окрашенные отношения.

Общая позиция у нас сейчас такая, к счастью, что нужно говорить обо всем, что болит. Прежде всего говорить, потому что сначала, наверное, надо говорить и обсуждать, а потом что-нибудь можно делать, но вряд ли надо что-либо сразу менять.

Прежде всего нужно понять ситуацию; мне кажется, что многие вопросы и многие болезненные точки могли бы быть преодолены даже на основе одного только открытого разговора. Нужно научиться говорить об этом. Об этом ведь не говорили на протяжении десятилетий и, наверное, нужно еще научиться говорить открыто.